

Надя Делаланд

По верлибру снега

* * *

всё началось с предельной простоты
с голодной точки начавшей делиться
расти стучаться биться шевелиться
расти расти
мир не произошёл ещё но я
уже любила бархатистый запах
прозрачной тьмы и мне тогда казалось
она моя
она моя вселенная и с ней
я буду длиться вечно раскрываясь
но мир распался и она распалась
и стала свет
но там внутри меня на самом дне
следы её тоски животворящей
росли во мне сверяясь с настоящим
росли во мне

* * *

Прозрачная нежить палаты чумной
нагие кровати и тумбы
всё это лежало сегодня со мной
туда проводив и оттуда
всё это осталось и брезжило мне
как на остановке трамвая
серебряный звон пролетевший над ней
смеётся над ней выживая
я вышла из бледной больницы роясь
и страхи пуская наружу
я вышла боясь и пошла растворясь
мне было легко и не нужно

Надя Делаланд — поэт, литературный критик, арт-терапевт, кандидат филологических наук. Родилась в Ростове-на-Дону. Окончила Ростовский университет (ныне — Южный федеральный университет), кандидат филологических наук, преподаватель университета. Автор нескольких книг стихов. Живет в Москве. В «Дружбе народов» печатается впервые.

и вот я пришла на дорогу в огне
и ангел спросил глуховато
что было особенно ценным во мне
и в чём я была виновата
но слёзы текли по молчанию вдоль
я села на медленный камень
и глухонемыми про боль и про боль
я всё объяснила руками
и ангел вздохнул и взмахнул и взлетел
всем голубем на голубое
и я открываю глаза в темноте
и мне уже больше не больно

* * *

О, выправи мне слово, логопед,
пока седлает осень лисопед
и, как лиса, летит к опушке леса,
роня листья — хрустки и сухи,
мне кажется, что я пишу стихи
(о, как ни назови их — будет лестно!).
Я всё ещё крапива красотой
осенней, засыпающей, вон той —
небесной, упоительно закатной.
Как будто бы я тоже ухожу...
Нет, еду, еду, руль я не держу,
смотри, он сам везёт меня обратно!
Впадая в прелесть лёгкого письма,
любуюсь тем, как красная тесьма
кленовой строчки прилегла уютно,
как всё совпало точно и само
всей радостью везёт меня домой,
мы едем-едем, ангелы поют нам.

* * *

закрываешься в музыку и идёшь
наблюдая ритмичность всего во всём
если зонтик оставить то будет дождь
выйдешь в чёрном слетит тополиный снег
и мелодией станет кружить и жить
даже в офисе не оставляя нас
если голову *на* руки положить
то заходит начальник который раз
два три раз удивляется два три
раз удивляется смотрит во все очки
но снаружи не слышно когда внутри
здесь вступают скрипки а здесь сверчки

* * *

Фонарь улыбчивый, лучащаяся ртуть,
немного бедствует в листве ошеломлённой,
в лице меняется и наполняет грудь
забытым ощущением полёта.
И если цвет его запомнить наизусть
и ночью выдать в полусне, не раскрывая
ресниц над озером, сияющим внизу,
то выпьешь, выйдешь по глотку к истоку ряя.
В зелёном облаке мятущегося льна
и шёлка выстояв, но всё-таки поблекнув,
фонарь роняет золотые семена —

и в нарастающем истаивает блеске,
и переходит в застывающие ветки,
и надевает прошлогодние балетки,
сажает лето.

* * *

Открываете дверь, а она там стоит босая,
говорит, запинаясь в дожде, стекающем на сандалии:
«я играла вам на свирели, а вы не плясали,
я вам пела печальные песни, а вы не рыдали».
У неё в глазах зацветает и плодоносит
то ли вишня, то ли яблоня, то ли слива,
на глазах весна превращается в лето, в осень,
и белеют волосы холодно и красиво.
«Я играла вам на свирели», — стуча зубами,
повторяет, пока вы поите её чаем,
укрываете пледом, пытаетесь улыбаться, —
«я вам пела, а вы молчали, не отвечали».
Засыпает, и в тусклом свете горелой лампы
вы потом припомните, как у неё горели
щёки, волосы вились, пах невесомо ландыш,
и всё время кто-то играл на свирели.

* * *

то идут по верлибру снега
горожане в шапках и капюшонах
отрешённо и медленно как снежинки
в этой жизни они притворяются нами
именами собственными нарицают
отрицают память и созерцают
созерцают память и отрицают